ПЕТУХ-РЫЦАРЬ

У соседей моих очень боевой, отважный петух. Куры и цыплята под его защитой — как за каменной стеной. Нынешним летом произошел такой случай. Наседка с цыплятами гуляла по подворью. Вдруг сверху налетел ястреб и бросился на цыплят. Петух, нимало не медля, кинулся на агрессора, распушив хвост, взъерошив гребень и сделав боевую стойку. Он так стремительно и бесстрашно атаковал ястреба, что тот растерялся и дрогнул. И хоть петух в схватке потерял несколько перьев, и гребень его был в крови, но он вышел полным победителем: ястреб, тоже с потерями, улетел. А петух возвестил о своей победе торжествующим кличем и долго потом с горделивым видом, под восхищенными взглядами кур ходил по двору, отряхиваясь и оправляясь. Вот так, наверное, и средневековый рыцарь у ворот замка Прекрасной Дамы трубил в рог о своей победе, а потом, ловя ее восхищенный взгляд, гордо ходил по замку, чувствуя себя наверху блаженства. Такое же чувство радости, наверняка, испытывал и петух, ощущая себя рыцарем и настоящим мужчиной. А многие ли из людей в критической ситуации ведут себя так же отважно? Увы...

МНОГОЭТАЖНОЕ СЕМЕЙСТВО

Всем вам, наверное, доводилось видеть, как мама-лягушка везет на спине своего сыночка-лягушонка через дорогу. Но то, что увидел я этой весной на автодороге, было поистине удивительным: на спине мамы-лягушки восседали... сразу четыре лягушонка! И она их несла,

хоть было видно, как тяжело ей это дается. Я боялся только одного: чтобы проезжающая машина не раздавила это многоэтажное семейство. Поэтому, когда появился легковой автомобиль, я посигналил рукой, чтобы он остановился.

— Ну что?! Что?! — раздраженно спросил водитель, открыв дверцу. Он, видимо, куда-то спешил и был раздосадован задержкой.

— Посмотрите,— ответил я, указывая на многодетную маму-лягушку.

— Надо же! — искренне удивился он, и лицо его из раздраженного стало добрым и светлым.— Ну и мамаша! Никогда такого не видел!

— Я — тоже...

И долго мы стояли и смотрели на то, как четырехэтажное лягушачье семейство пересекает дорогу, направляясь к ближайшему пруду. Только после того, как опасный участок пути был им пройден, мы с водителем, пожав друг другу руки, расстались. И в душах наших осталось доброе чувство. Оказывается, могут люди и животные понимать друг друга, а общение с «братьями нашими меньшими» нас, людей, делает лучше и добрее. Хотя бы на короткое время.

ПИРАНЬИ ИЗ ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Пираньи — хищные и прожорливые рыбы, которые водятся в некоторых южных морях. Встреча с ними опасна даже для человека, а не то что для обитателей морских глубин, потому что они очень злобные и прожорливые, а их рот усеян длинными и острыми зубами. Появились своего рода пираньи и у нас в деревне, в лесном озере. Года три назад туда запустили мальков рыб-ротанов. Название «ротаны» очень точное. Сама рыбешка — с ладонь, а половину ее туловища занимает голова с огромным ртом, которым ротаны пожирают все, что попадается на их пути. Размножаются они быстро, часто и в огромных количествах. И вот за три года они у нас в озере пожрали все: водоросли, тину, лягушек, мелких рыбешек других пород и начали уже от недостатка пищи пожирать друг друга и пожрали бы, если б не огромный приплод, компенсирующий с лихвой убыль. Слава Богу, что они небольшие и на людей не нападают!

Наши деревенские рыбаки сначала радовались: рыбы в озере стало много, ловить легко. Правда, улов никуда особенно не годится: только если зажарить их посильнее прямо с костями да залить яйцами,— получается неплохо. Однажды встретил своего знакомого рыбака.

— Что-то давно,— говорю,— не видел тебя на озере.

— А я туда больше не хожу. Езжу на придорожный пруд, Дмитриевское водохранилище.

— А что так? Рыбы на озере не стало?

— Да нет. Наоборот, слишком много. Неинтересно ловить. Смысл-то в чем? Чтобы посидеть, на зорьку полюбоваться, клева подождать. Вот поплавок дрогнул — и сердце дрогнуло: есть! А сейчас что? Только закинул, минуты не прошло — уже клюет! Вытащил, опять закинул, через полминуты — тащи! Они же ведь прожорливые, жадные, наживку глотают будь здоров! Все удовольствие от рыбалки теряется!

«Вот так,— подумал я,— на рыбаков не угодишь: мало рыбы — плохо, а слишком много — выходит, еще хуже?»

ЗНАКОМАЯ ЦАПЛЯ

Я регулярно гуляю по дороге, ведущей к селу Манаенки. Возле дороги есть небольшой пруд, весь покрытый тиной, с лягушками, мальками рыб, рыбами и прочей водяной живностью. Идеальное место для цапли. Правда, шумноватое, потому что по дороге то и дело проносятся автомашины, проходят люди, в окрестных полях работают трактора. Но цапля, которая поселилась здесь, быстро к этому привыкла, и шум человеческий ее, похоже, не смущает. Она прилетает сюда каждый год и проводит на этом пруду весну и лето, а осенью опять улетает в теплые края. Она то неподвижно стоит на одной ноге, то бродит по отмелям, выискивая добычу. Мы с ней познакомились. Да-да! Постепенно она начала узнавать меня и даже приветствовать, делая круг надо мной и опять опускаясь на воду. Однажды я принес ей кусочек сырого мяса и положил у берега. Цапля увидела и после совершения традиционного приветственного круга опустилась на это место, взяла кусок клювом и с удовольствием проглотила. Угощение, судя по всему, ей очень понравилось. С тех пор я то и дело приносил ей гостинцы: то кусочки мяса, то рыбы, а то хлеба. Все это с благодарностью принималось и съедалось. Так дружили мы лет пять, наверное. А вот в прошлом, 2017-м, году цапля что-то не прилетела. И я затревожился о ней, как о друге: не случилось ли чего? Не погибла ли она во время долгого перелета протяженностью в тысячи верст? Ведь цапли летят зимовать на африканский континент, чаще всего — в Египет. Они летят над морями и пустынями, над селами и городами, через часовой пояс и несколько климатических зон. Путь этот опасен, долог и труден. Далеко не все птицы одолевают его успешно. Но все же они летят... И я верю: моя знакомая цапля вернется! Я жду ее...

ДРУЖОК

Когда мы с братом Сашей были еще маленькими (ему шесть лет, а мне — десять), у нас жила замечательная собачка по кличке Дружок. Масть ее была белая с черным: мордочка черная, спина черная, а лапки и животик беленькие. Удивительно умная была собачка, такой у нас

уж больше никогда не было, хотя собак мы держали постоянно, как и кошек, и другую живность. Дружок понимал человеческую речь и мог выполнять даже сложные команды. Бывало, скажешь ему: «Дружок, подай кружку!» — Смотришь, а он в зубах тащит кружку. И уж подавно он носил и подавал ботинки, калоши, шапки. «Ну и собака! — говорили все, кто его видел.— Прямо как человек. Только что не говорит по-человечьи!» А я уверен, что Дружок мог бы и говорить, но просто не хотел.

Он умел открывать лапками дверь, загонять уток и гусей в сарай, причем получалось это у него гораздо лучше, чем у нас с Сашей: так ловко он с ними управлялся, диву даешься! И еще одна поразительная способность была у Дружка: он прекрасно искал грибы. Пойдешь с Дружком — гарантия того, что наберешь полную корзину или ведро, или сумку! Во-первых, он точно определял места, а уж оказавшись в таком месте, просто замечательно находил сами грибы. Он и защищал нас. Однажды на улице на меня бросилась чужая большая и злая собака. Дружок, не колеблясь, вступил с нею в схватку и прогнал ее. Она с позором бежала и больше на нашей улице не появлялась, а завидев Дружка, поджимала хвост и убегала сломя голову, хотя была намного больше его. Дружок жил у нас года три. А потом случилась беда: он пропал. Что такое? Точно неизвестно. Но мама говорила, что его отравил один злой человек, наш сосед. Мы плакали о Дружке, как плачут об утрате близкого, любимого человека. Да и впрямь: он был членом нашей семьи, а по разуму, смелости, благородству едва ли не выше многих людей. Да и до сих пор, хоть прошло уже больше полувека, вспоминаю о Дружке с грустью. А того человека Бог наказал за убийство: он вскоре спился, спятил с ума и умер от запоя. «Спрошу,— сказал Господь,— за всякую душу и за всякую кровь: человека и скота!»

ПРИЗРАК СТАРОГО ДОМА

Это случилось в Белеве, когда я однажды заночевал у своего одноклассника и тезки Славы Писанца. Мы с ним были соавторы: я писал стихи, а он — музыку на них, и наши песни, звучавшие на школьных вечерах, пользовались большим успехом. Слава жил в старом деревянном доме, в жилую часть которого вела довольно крутая лестница, а под нею был небольшой закуток, в котором жил маленький, очень милый, пушистый щеночек. В тот раз мы засиделись допоздна. Родителей Славы дома не было, они куда-то ненадолго отъехали или отошли в гости, уж не помню. Настали темные осенние сумерки, и в такую пору почти всегда тянет на страшные рассказы: о привидениях, диких зверях, разных таинственных явлениях. Вот мой друг и решил удивить меня рассказом о призраке, который якобы появляется в их доме. Он уверял, что сам не раз видел его и что привидения вообще любят такие

вот старые деревянные дома. Я тоже рассказал ему что-то о необъяснимых явлениях, и мы собрались пить чай. Между тем выяснилось, что совсем нет воды. Водопровода у них в доме не было, и Слава сказал, что он сейчас возьмет ведра, быстренько сходит по воду, и мы поставим чайник. Он ушел. До колонки было недалеко. Время шло, а моего друга все не было. В раздумье о том, что бы это значило и что могло его задержать, я, почувствовав недомогание, прилег на диван и завернулся в светло-серое покрывало, лежавшее на нем. Задремал. И вдруг — не знаю, в дреме или наяву,— слышу чьи-то тихие, медленные шаги по лестнице. Это возвращался мой друг с ведрами, полными воды, но я-то этого не знал, вернее, почему-то не подумал об этом, а сразу пришло мне на ум в темной комнате, что это не иначе как призрак старого дома появился и бродит тут. Завернувшись в светлое покрывало (словно оно могло защитить меня!), я вышел, цепенея от страха, в сумеречный коридор и не своим, а каким-то странным, изменившимся голосом спросил: «Кто? Кто это тут ходит?» И вдруг слышу грохот падающих ведер, истошный визг щеночка, сердитый голос Славы: «Пошел отсюда, придурок!» Потом он, очевидно, дал щеночку пинка, потому что тот взвизгнул еще раз. Я кричу: «Слава, не бойся, это — я!»

— Фу! — сказал он.— А я взаправду немного испугался. Ну представь себе: выходит медленно чья-то фигура в белом и спрашивает: «Кто там?» и таким неестественным голосом спрашивает!

Ну, перепугался-то он, конечно, не немного, а сильно, аж ведра уронил, облив холодной водой бедного щеночка под лестницей. Пришлось еще раз ходить по воду. На этот раз уже вдвоем. Ох, и посмеялись мы тогда! Только маленький, хорошенький щеночек долго возился в своем закутке; дрожал, скулил и никак не мог понять: за что его окатили ледяной водой, дали пинка да еще и наорали на него? «Вот больные-то, вот ненормальные-то!» — наверное, думал он о нас, людях. А что? Собачка была недалека от истины.

СРЕДСТВО ШАЛЯПИНА

Однажды, заведуя отделом в газете «Молодой коммунар», я с нашей молодежной делегацией поехал в Чехословакию. Было это в далеком 1979 году. После окончания всей программы был заключительный концерт, на котором чехи и словаки должны были показать свои номера, а мы, советские,— свои. Поскольку все наши чехословацкие друзья и партнеры отлично владели русским языком, я попросил у руководителя делегации, второго секретаря Тульского обкома комсомола Валерия Калугина позволения прочесть свои стихи. И показал ему, что намерен читать.

— Хорошо,— одобрил он,— стихи — это хорошо. А то у нас — все

песни, музыка, а вот поэтического жанра нет. Давай, читай. Но помни, Вячеслав, о той высокой ответственности, которая на тебе лежит. Смотри: это дело политическое, никаких накладок быть не должно! Ты представляешь страну!

И вот этими своими речами о «высокой ответственности», «недопустимости малейшего сбоя или накладке», «защите интересов страны» и тому подобное он так меня запугал, что к началу концерта я находился в совершенно невменяемом состоянии, которое психологи называют прострацией, это когда человек уже плохо соображает, что и зачем он делает.

В полном отчаянии я обратился к профессиональному артисту, замечательному, веселой души человеку Андрею Тишину, из вокально-инструментального ансамбля «Росы России» Дворца культуры профсоюзов в Туле.

— Слушай, Андрей,— говорю ему.— Спасай. Скоро мне выходить на сцену, а я в полном ступоре от волнения. Боюсь провалиться. Что делать?

— Не горюй, Вячеслав, не горюй,— засмеялся он.— Есть одно верное средство от такого состояния. Его применял великий наш певец Федор Иванович Шаляпин, и оно всегда действовало безотказно.

— Что за средство? Давай! На все согласен.

— Да вот,— он достал бутылку коньяка и налил в стакан граммов примерно двести.— Выпей перед самым выходом и — вперед, на сцену. Все будет нормально!

— Да ты что? Да я пьяный буду! Тогда вообще — конец!

— Не будешь! Все уравновесится и будет отлично. Ты что, не веришь Шаляпину, его опыту?!

Делать было нечего, отступать некуда, тем более что уже объявляли мой номер: «Наш молодой комсомольский поэт Вячеслав Алтунин читает свои стихи!»

Я залпом выпил стакан коньяку и, как в пропасть или на эшафот, шагнул на сцену. И как только я вышел — о чудо! — волнение вдруг как рукой сняло. Я боялся, что буду заикаться, но и заикания не было, речь лилась гладко и свободно. Я читал артистично и эмоционально. Меня проводили громом долго не смолкавших аплодисментов и криками «бис!» Пришлось бисировать, то есть читать еще раз. Успех был полный. Я был вне себя от радости.

— Ну, что я говорил?! — поздравляя меня, сказал Андрей.— Сработало. Ну а теперь я тоже приму-ка средство Шаляпина, ведь нам сейчас на сцену. Он допил коньяк и пошел со своим ансамблем петь советские песни.

— Молодец, Алтунин, молодец! — похлопал меня по плечу руководитель нашей делегации.— Четко, эмоционально, ярко, артистично.

И стихи прекрасные. Даже не ожидал от тебя. Знай наших! Что значит проникнуться чувством высокой ответственности!

Знал бы он, что не «чувство высокой ответственности» было причиной моего успеха, а средство Шаляпина!